

Значение теории психической вины для установления ответственности в гражданском праве

Монастырский Ю.Э.

«Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации» (МГИМО МИД России), Москва,
Россия

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6999-8150>, e-mail: monastyrsky@mzs.ru

В настоящей публикации говорится об одном из наиболее значимых социальных пересечений двух наук: психологии и гражданского права, образующих такую область исследования и такое понятие, как психическая вина. Она является необходимым условием ответственности сегодня в уголовном праве и просто одной из предпосылок — в гражданском. Вместе с тем существует множество теорий вины, сводимых к двум разновидностям: субъективной и объективной. Иногда философско-правовые идеи имели результатом отрицание значения вины для возложения имущественной ответственности. В публикации также поднимается вопрос о факторе психологии как науки для определения такого набирающего важность понятия, как «степень вины». В статье отстаивается точка зрения о том, что в судебных и третейских процессах, а также в уголовных делах наиболее достоверная картина психического отношения по всей совокупности признаков должна обеспечиваться посредством заключений специалистов — психиатров и психологов. В работе поддерживается суждение о дифференциации понятия вины в уголовном и гражданско-правовом контексте. Автор выражает уверенность в необходимости дальнейшего взаимодействия специалистов в области психологии и психиатрии и правоведов.

Ключевые слова: психология, психика, вина, ответственность, гражданское право.

Для цитаты: Монастырский Ю.Э. Значение теории психической вины для установления ответственности в гражданском праве [Электронный ресурс] // Психология и право. 2021. Том 11. № 3. С. 187—198. DOI:10.17759/psylaw.2021110313

The Role of the Psychic Guilt Theory in Establishing Liability in Civil Law

Yuri E. Monastyrskiy

Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University), Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6999-8150>, e-mail: monastyrsky@mzs.ru

The present publication deals with one of the most significant intersections of two social sciences: psychology and civil law, creating both a field of research and a concept such as psychical guilt. It is now a requirement for establishing liability in criminal law and just one of the prerequisites in civil law. However, there is a multitude of guilt theories, all boiling down to two varieties – subjective and objective. At times philosophical and legal ideas resulted in denial of significance of guilt for imposition of material responsibility. The work also raises an issue of the role of psychology as a science in definition of an increasingly important concept of "degree of guilt". This article advocates for the view that in judicial processes, arbitration tribunals, and also in criminal proceedings the most reliable picture of one's psychical attitude should be provided from professional judgement of psychiatrists and psychologists while basing on the entirety of evidence. The research also supports the view of differentiation of the concept of guilt in the criminal and civil-law context. The author is convinced of the necessity of further cooperation of experts in psychology, psychiatry and law.

Keywords: psychology, psyche, guilt, liability, civil law.

For citation: Monastyrskiy Yu.E. The Role of the Psychic Guilt Theory in Establishing Liability in Civil Law. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2021. Vol. 11, no. 3, pp. 187—198. DOI:10.17759/psylaw.2021110313 (In Russ.).

Введение

Целью настоящей работы является обоснование достижений психологии, юриспруденции при установлении содержания вины в тех правонарушениях, мера наказания за которые зависит от степени *culpa*, обладающей обширной градацией в уголовном праве, а также имеющей важность в ряде гражданско-правовых диспозиций: при причинении морального вреда, совместном нанесении убытков или реального ущерба, при установлении характера вины кредитора или потерпевшего, при солидарной ответственности вообще.

В ходе рассмотрения требований в стандартных гражданско-правовых процессах значение *culpa* как будто бы уменьшается, она не имеет значения в предпринимательских конфликтах, при отрицательных имущественных последствиях от опасной деятельности. Развитие отношений и увеличение имущественного оборота, в котором возникают вопросы выплаты возмещения, требуют соответствующих теоретических исследований.

Сегодня область коммерческих отношений превосходит сферу обычных гражданских в тысячи раз по любому из критериев: стоимости, количеству проводимых операций. Деликты происходят в основном от деятельности с использованием машин, механизмов, а также в сотни раз больше и размер возмещения по таким делам, чем при бытовых случаях неосторожного повреждения чужой собственности в виде заливов соседей снизу и тому подобных мелких происшествий.

Вместе с тем психическая теория вины доминирует в уголовном праве [22, с. 21—26; 15, с. 143—148] и имеет много приверженцев в гражданской правовой науке. Среди них доктора юридических наук О.С. Иоффе [3, с. 327—341; 4, с. 128], О.А. Красавчиков [6, с. 520], О.Н. Садилов [16, с. 270] и другие.

Психология как наука прошла долгий, но плодотворный путь развития и произвела колоссальный объем знаний, обладающий существенной ценностью. В гораздо более

сложных делах, в которых степень вины имела ключевое значение, психологические выводы делали работники органов следствия и судьи и только в обстоятельствах явного отклонения от нормы поведения — специалисты-психологи. Нам представляется, что там, где имеет значение и установлено, что степень вины определяется проявлением психики конкретного человека, необходимо задействовать экспертов, которые обосновали бы виновное проявление и давали бы ему оценку.

Методы

Сообразно цели работы исследовать содержание понятия психической вины в праве, мы использовали исторический, телеологический, сравнительно-правовой методы исследования, наряду с такими общими логическими приемами, как обобщение, абстрагирование, аналогия, экстраполирование. Телеологический метод позволил сделать умозаключения в зависимости от цели правового регулирования и употребления конкретных базовых понятий, исторический — используется для прослеживания развития научных разработок и теории, сравнительно-правовой — позволяет сопоставить различные трактовки природы вины в России и других странах.

Результаты

Обсуждение и анализ различных позиций и точек зрения позволили прийти к выводу о значении такой важной общественной науки, как психология, для изучения феномена вины в праве. В свете возросшего значения понятия степени вины при определении ответственности за убытки кредиторов вследствие виновного поведения контролирующего юридическое лицо субъектов необходимо более углубленное понимание сознательных мотиваций ответчиков. Ранее, насколько нам известно, тема важности психологии как науки в нашем отечественном правовом дискурсе не обсуждалась, хотя совпадающих вопросов в психологии и праве имеется много. Один из них — оценка поведения лица, подчиненного индивидуальному душевному составу.

1. Становление понятия гражданско-правовой вины

Категория вины не раскрывалась вплоть до XIX века, и даже в первом кодифицированном акте — Кодексе Наполеона (1804 г.) — понятие вины не разъяснялось [7, с. 53—63]. Вместе с тем ст. 730 в переводе Перетерского гласит: «Дети недостойного отца, приступившие к наследованию в силу своих прав, ... не устраняются от наследования за вину их отца» [20, с. 185]. Это подтверждает смысл термина как подлежащее наказанию, поражение в правах и тому подобное. И до настоящего времени присяжные в уголовном процессе отвечают на вопрос «виновен», «не виновен», а не была ли в судьбоносном вердикте у подсудимого здоровая психическая мотивация.

Величие Древнего Рима и тысячелетняя история объясняются задействованием передовых методов администрирования общественной жизни, одним из главных инструментов которого являлось право. Центральная задача этого общественного института, конечно, помимо регламентации текущей деятельности, — реагирование на правонарушение, на нанесение личной обиды, преступления, покушения на честь и т. п.

Римские юристы уже в ту далекую от нас эпоху разработали понятие вины как необходимое условие любой ответственности. Их термин «*culpa*» введен в современный юридический словооборот во всех странах. Относится он к волевым поступкам носителей

здорового сознания, но не к гражданам с душевной болезнью, которые к субъектам ответственности относиться не могут (*furiosi*). Их вредоносные поступки ложились бременем на опекунов или приравнялись к случаю (*casus*) и оставались без последствий [13, с. 368—376].

С усложнением отношений стали предавать большую важность душевной мотивации преступников и нарушителей, определявшей степень наказания. Имущественная кара в Древнем Риме заключалась в уплате штрафов, чаще всего двукратных или многократных [13, с. 37—38].

Упомянутая осознанность ответчиков и подсудимых классифицировалась на вину злонамеренную (*dolus*) и на различную небрежность (*culpa lata, culpa levis, culpa levissima*) [23, с. 199]. В силу некоторого небольшого проявления виновности ответственность не наступала. Поклажедатель, безвозмездно хранящий вещи, не компенсировал их гибель или порчу вследствие проявленной им *culpa levis* [9, с. 432]. И что характерно, это постепенно было воспринято всеми цивилизованными правовыми порядками европейских стран.

Душевное состояние в период совершения деяния либо правонарушения выяснялось не только показаниями подсудимого, но и доказывалось заинтересованными сторонами, как это происходит со значимыми событиями, имевшими место, либо не происходившими вовсе. К этому главному обстоятельству судебного процесса относится поднимавшаяся до конституционного уровня принципов презумпция невиновности в уголовном праве [14, с. 463—469].

Падение Римской империи ознаменовалось упадком в Западной Европе культуры, искусства и общественной жизни почти на тысячу лет. Центр мировой цивилизации переместился в Константинополь, где Юстиниан принял свой прославленный Кодекс в 529 году. Позднее в других странах, где появились различные судебники, законники, другие источники права, о вине не упоминалось вовсе. Правовое регулирование устанавливало определенные репрессии за вред, обиду, недостойное поведение. К вине вернулись, если говорить о гражданском праве, лишь в XIX в., при этом в нашей стране применительно ко всем отраслям права она имела психическое содержание.

Любопытно проследить зарождение эволюции теории психической вины в отечественном праве. Древние нормативные источники, такие как Русская Правда, Судебники Ивана III и IV, Уложение царя Александра Михайловича, Законодательство Екатерины Великой не раскрывали понятия вины. Впервые в законодательстве оно возникает в Уложении об уголовных наказаниях в 1845 году.

Законодатель того времени не касался вопросов освобождения от ответственности, несмотря на имущественное либо личное претерпевание. Правда, в Псковской судной грамоте говорилось о случае примирения для избегания репрессий, а в ст. 223 главы 10 Соборного уложения устанавливалось, что бывший причиной пожара в лесу без всякого умысла с его стороны не подвергается никакому взысканию; и это не все примеры того, когда партикулярно уточняются границы привлечения и вменения за различные действия, доставившие в самом деле имущественный или личный вред.

Термин «вина» употребляется в законах множество раз в различных словосочетаниях: «ставится в вину», «по вине» и т. д. Само это понятие давало значение «причина», «наказуемость». Никаких общественно-политических условий для придания категории вины гуманистического значения как необходимой предпосылки ответственности не было.

Традиционно сильная и флагманская психология зарождалась в немецкой науке, давала пример для подражания и российской юриспруденции XIX века. В Уложениях о наказаниях говорилось, что «преступления делятся на деяния умышленные, когда противозаконное деяние учинено вследствие не внезапного, а заранее обдуманного намерения или умысла, и далее, когда деяние учинено хотя и с намерением, но по внезапному побуждению без предумышления» [19, с. 4—5]. В особенной части ст. 1454, 1445 и других установлено 3 вида умысла: вследствие заранее обдуманного намерения, просто замысла и как результат запальчивости и раздражения. Обдуманность уже определяет умысел до преступного действия. Поэтому деяние в аффекте, оказанное вследствие сопротивления жертве, не устраняет возможности признать деяние учиненным с умыслом, и хладнокровие не исключает спонтанного умысла [18, с. 642]. Ст. 108 и 109 гласили: «Если по обстоятельствам, сопровождающим его деяние, подсудимый мог и должен был предвидеть, что последствием оно должно быть не одно, а несколько преступлений разной важности, то хоть бы он и не имел положительного намерения совершить именно важнейшее из этих преступлений, мера наказания всегда определяется по сему важнейшему из преступлений» [19, с. 138]. Под обнаружением умысла понимается любое изъяснение намерения, в чем бы оно ни состояло, в том числе угрозе, похвальбе, предложении сделать какое-либо зло.

Наиболее всестороннее понятие юридической вины вывел и затвердил выдающийся российский правовед Н.С. Таганцев. Наиболее цитируемые его произведения — лекции по русскому уголовному праву [18, с. 9—14]. В XX в. в преддверии принятия Гражданского Уложения Российской империи вина в гражданском праве была объективирована, причем авторитетными учеными того времени утверждалось, что она «противопологалась умыслу» [1, с. 401—403], за которым стояла более суровая ответственность, и непреодолимой силе с другой стороны, когда отрицательные имущественные последствия несет тот, на кого они падают. Такую классификацию выдвинул в 1885 г. профессор В. Нечаев. Он утверждал, что вина конструируется «... не как психическое явление, а объясняется свойствами личности и как объективное понятие служит меркой нормального поведения лица в сношениях с другими лицами» [1, с. 401—403]. Отныне гражданско-правовая ответственность — это *culpa in abstracto*. Профессор Нечаев будто совершает поворот и возврат к римскому праву, отграничивавшего понятие *culpa* (вина) в собственном смысле слова от *dolus* (умысел), которое действительно имело смысл преступления [2, с. 447].

Умысел, или *dolus*, был отделен от вины как таковой по логике развития гражданского оборота. Сознательное нарушение закона хоть гражданского, хоть уголовного считалось преступлением, которое начинается с психического замысла, доходящего до волевого целеполагания в действиях в основном при желании вредного результата.

Вначале в советское время под влиянием промышленной революции начало вины во всех областях было изъято из гражданского права. Правовые положения о вине как необходимом условии ответственности были удалены [12, с. 380].

В 30-е годы экономическая и политическая система бурно эволюционировала. В это время вышла разгромная работа профессора Х.И. Шварца о необходимости ввести виновную ответственность за причинение вреда [21, с. 3—63]. Автор не касался вопроса неисполнения гражданско-правовых договоров. Вместе с тем вся судебная практика тут же перестроилась на начала вины.

Впоследствии, особенно в 30-е годы в советское время, вина в виде умысла как ее основное выражение — «признание — царица доказательств» — распространилась и на

гражданско-правовую область и стала проявлением исключительно психики. Причем такой переход произошел достаточно резко. Лозунгом данной эпохи, а именно 30-х годов, была индустриализация, приоритет общественных интересов, программ, государственных усилий.

Имущественный оборот в СССР охватывал деятельность государственных предприятий, бытовые сделки, причинение гражданско-правового вреда физическими лицами, наследование. Раздел небольшого супружеского имущества давал ничтожное количество споров, и их обобщений верховными инстанциями не производилось. В этих условиях вводится концепция психической вины как единого общеправового понятия наряду с введением системы крупных, как законных, так и договорных, гражданско-правовых штрафов между предприятиями, уплачиваемых при установленной *culpa*.

Крупный правовед советского периода И.Б. Новицкий говорил, что любой договор, «не предусматривающий таких штрафных санкций (*неустойки*. — *Прим.*), признается порочным» [8, с. 235]. Однако концепция психической вины — это наиболее гуманная по своей природе предпосылка ответственности, поскольку основывается она на исследовании всех особенностей личности, учете ее ущербности, смягчающей репрессии, санкции и наказание. Элементами вины являются прежде всего воля и сознание.

На практике, однако, деяние и правонарушение вменялись в вину и делились на *imputatio juris* и *imputatio facti* [1, с. 401—403]. В результате в хозяйственной области, когда управление осуществлялось вручную при помощи плановых заданий, в деле регулирования деятельности социалистических предприятий вина все-таки не играла существенной роли. Споры решались административными, а не судебными органами. Неисполнение заданий влекло не только имущественные санкции, а административные и наказания руководителей.

Возврат к виновной ответственности имел своей задачей усиление производственной, социальной, идеологической дисциплины, при которой важнейшим представляется индивидуальный подход, исходя именно из особенности персонального проявления психики, которое надлежало извлечь и установить в дальнейшем для общественного обсуждения и воспитания граждан.

Вина единообразно или почти единообразно понималась как психическое отношение главным образом к последствиям содеянного [4, с. 128], но не к мотивации поступков как таковых, и в этом заключалась колоссальная разница. Уголовные начала, карательного свойства были внедрены в административное и гражданское право. Таким образом, как мы полагаем, ускользало из внимания традиционное назначение вины, ее извинительная функция, которая проявляет себя в отношении своих разновидностей: легкой или грубой неосторожности.

2. Вина как условие ответственности

Позитивистская, историческая, социологическая и другие школы так или иначе вводили понятия совести, морали, этики в право. Это привело к раскрытию прежде всего понятия вины, которое из синонима ответственности превратилось в условие, причем условие необходимое.

Вина выражала такую манифестацию греха, которая должна была создавать правильную правовую реакцию в виде ответственности, но не задействования иных средств правовой защиты. Грехопадение, не влекущее юридические последствия, может состоять и в «помыслах» обращаться к пьянству, прелюбодеянию. Институт вины становился фильтром такого общественно предосудительного поведения, которое требовало юридического вмешательства.

Вред и преступление психически нездорового человека социально неприемлемы. Вместе с тем классическая концепция вины исходила из ее первоначального понимания как правоустанавливающей воли и далее мышления. Затем эти понятия, отталкиваясь друг от друга, все менее отражали единство. Таким образом, феномен *culpa*, вырастающий из психики, должен был нести на себе густую этическую окраску. Однако психику подозреваемого или повредителя оценивали отнюдь не психиатры, а юристы, главным образом судьи. Это приводило к крупнейшим проблемам в разрешаемых делах до такой степени, что явление удостоилось литературного освещения.

В одном из шедевров Ф.М. Достоевского, романе «Братья Карамазовы», главный герой Дмитрий был осужден за убийство присяжными, исходя не из доказанной вины, а на основе его психотипа и ряда широко известных обществу его выходов: драк, скандалов и тому подобного. Психическая теория была применена, что называется, вульгарно. Вина устанавливалась не определением душевного состояния и замысла к лишению жизни и не подтверждающими уликами, а моделированием поведения, свойственного этому психотипу. В то время как психическая теория вины не соотносима с объективацией, она происходит из исключительно субъективного отношения к конкретному содеянному и призвана отвечать также на вопрос, было ли это умышленное убийство или нанесение тяжких телесных повреждений, повлекших смерть, следствием здравого сознания. Напоминаем: главный герой имел вражду со своим не совсем порядочным отцом, пришел к нему, нанес побои и скрылся, а пострадавший затем был забит до смерти своим обиженным слугой, воспользовавшимся происшествием и замыслом переложить подозрения на Дмитрия Карамазова.

Защитник из Петербурга на суде также строил свою позицию на проявлении психики после убийства, а не на недоказанности вины и отсутствии прямых улик. Он утверждал, что, когда подсудимый бежал и был остановлен другим пожилым слугой, в желании освободиться от него он нанес удар, а затем спрыгнул к нему и начал вытирать кровь с его головы вместо того, чтобы добить, этим он продемонстрировал непричастность к смерти отца по той причине, что в обратном случае должен был устранить ненужного свидетеля по следующей простонародной мотивации: «семь бед — один ответ».

3. Границы значимости вины

Доктрина вины в своей психологической интерпретации понимается неверно в том отношении, что она не носит абсолютного характера. Вину в большом количестве случаев не обязательно доказывать в каждом уголовном деле или опровергать презумпцию в гражданском процессе [5, с. 41; 11]. Доказывание здесь подчиняется выяснению основания избежать ответственности. Но улики, пробы ДНК, фиксация камерами совершенно обесценивают любые сведения о виновности и ее установлении.

При нарушении полицейских предписаний, не связанных с покушением на чьи-либо права, ограждающих безопасность и фискальный интерес, значение вины также не велико. Так, например, неуплата таможенных платежей влечет за собой карательные последствия для собственника, хотя бы в действительности он не был виноват в том, что товар не был оплачен [10; 1, с. 402]. Аргументация о том, что проезд на красный свет был связан со случайным отвлечением внимания пассажиром или другим автолюбителем будет по общему представлению бесполезной.

Можно сказать, что и в более широком плане административного регулирования вина не имеет существенного значения ввиду самой концепции поддержания устойчивости и

цельности правопорядка в общественных интересах, поэтому разжигание костра в заповеднике по незнанию о нахождении на его территории из-за недостаточной заметности опознавательных знаков должно приводить к несению административной ответственности.

Заключение

Если подвести итог и обосновать более тесное взаимодействие психологии и права, то следует учитывать, что постепенно и поступательно в коллективном юридическом сознании продолжал развиваться процесс дифференциации понятий, а также устаревания некоторых методологических платформ.

Начнем с последнего. Основную «непогрешимую» базу научных умозаключений продолжает составлять диалектический материализм. При всех его оттенках априорные постулаты не претерпели изменений — объективность законов общества и природы, или иными словами их запрограммированность, детерминизм и обусловленность всех явлений, их закономерность, зависимость поступков людей от социальных отношений создали условия, когда преступления не могут не признаваться известной аномалией в крайнем ее проявлении.

Эти преступления, антиобщественные поступки логично объяснялись бы только средой, условиями либо политической враждебностью. Однако всеобщая предопределенность в области права и морали чужда значимости психологии. Если все закономерно и действует объективный общественный закон, то нет свободы воли, автономности и психического своеобразия личности. Отсеивания правовыми механизмами в таком случае создаются и действуют только на переходный период. В такой системе координат психология нужна не для проникновения в суть индивидуальности, а наоборот, для моделирования проявлений сознания, исходя из объективных данных прошлой жизни, и не специалистами, а правоприменителями. Антиобщественные поступки создают матрицу поведения преступника, либо антиобщественного целеполагания.

Однако психология и право должны взаимодействовать по-иному. Психология не всегда нужна. Кража, преступление, умышленные административные правонарушения не нуждаются в дифференциации в зависимости от *culpa*. Однако психика определяет и отделяет умысел от неосторожности, легкую и грубую небрежность. Вот в чем сегодня на практике остро сказывается недоисследованность теории психической вины.

В гражданском праве появился новый и грозный институт — субсидиарная ответственность контролирующих лиц, которые при убытках либо банкротстве компании отвечают солидарно, а затем друг перед другом в зависимости от степени вины. В идеале совсем маленькая, но решающая вина «по сути уклонение от образцового поведения» даже подчиненных ведет к растворению или последующему распределению ответственности, преобразованию ее в дисциплинарную, трудовую. В настоящее время такая психологическая дифференциация, вина, зависящая от должностных функций и особенностей личности, не практикуется, и специалисты для этих целей не задействуются. В сложных составах решающую роль могут и должны играть заключения психологов и сбор мотивационных данных. Сегодня институт контролирующих лиц приводит к тому, что действительные хозяева фирм и бизнеса сбегают за границу, а решения о полном возмещении ущерба исполняются против подчиненных субъектов, членов кредитного комитета, бухгалтеров, заместителей.

Литература

1. Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. Т. 6. СПб.: Семеновская Типолитография И.А. Ефрона, 1890—1907. 489 с.
2. Дождев Д.В. Римское частное право: учебник для вузов / Под ред. В.С. Нерсесянца. М.: ИНФРА-М Норма, 1997. 704 с.
3. Иоффе О.С. Избранные труды: в 4 т. Т. 1. Правоотношения по советскому гражданскому праву. Ответственность по советскому гражданскому праву. СПб., 2003. 574 с.
4. Иоффе О.С. Обязательственное право. М.: Юридическая литература, 1975. 880 с.
5. Калиновский К.Б. Распределение бремени доказывания в уголовном процессе: всегда ли в пользу обвиняемого? // Избранные материалы международной научной конференции «Уголовная юстиция: связь времен» (г. Санкт-Петербург, 6—8 октября 2010 года). М.: ЗАО «Актион-Медиа», 2012. С. 40—48.
6. Красавчиков О.А. Советское гражданское право: в 2 т. Т. 1. М.: Высшая школа, 1985. 520 с.
7. Ли Ч. Соотношение виновной и безвиновной ответственности в деликтных обязательствах // Вестник ВАС РФ. 2013. № 4. С. 53—63.
8. Новицкий И.Б., Луиц Л.А. Общее учение об обязательствах. М.: Юр. лит., 1950. 412 с.
9. Новицкий И.Б., Перетерский И.С. Римское частное право. М., 2012. 560 с.
10. Определение Верховного Суда РФ от 27.09.2005 № 19-В05-10 [Электронный ресурс]: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_59001 (дата обращения: 23.04.2020).
11. Определение Конституционного Суда РФ от 07 декабря 2010 г. № 1621-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Долженкова Ивана Васильевича на нарушение его конституционных прав положениями части 3 статьи 1.5, примечания к статье 1.5, статьи 2.6.1, части 3.1 статьи 4.1 и части 3 статьи 28.6 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_109791 (дата обращения 23.04.2020).
12. Пишина С.Г. О методологическом значении категории «Преемственность» в гражданском праве // Юридическая техника. 2011. № 5. С. 378—382.
13. Покровский И.А. История римского права. 3-е изд., испр. и доп.: Петроград: Право, 1917. 432 с.
14. Придворов Н.А., Трофимов В.Б. Презумпции в римском и современном праве: историко-теоретический аспект // Юридическая техника. 2010. № 4. С. 463—469.
15. Роксин К. Основания уголовно-правовой ответственности и личность преступника // Актуальные вопросы современного уголовного права, криминологии и уголовного процесса: сб. науч. тр. / Под ред. О.Л. Дубовик, Ю.С. Пивоваров. М: ИНИОН, 2003. С. 143—148.
16. Садилов О.Н. Гражданское право России. Курс лекций. М.: Юрист, 2001. 333 с.
17. Стрельникова Т.В. Споры о признании незаконными требований об уплате таможенных платежей и пеней, предъявленных таможенными органами в связи с недоставкой в таможенное место назначения товаров, ввезенных на территорию Российской Федерации // Арбитражные споры. 2005. № 3. С. 46—53.
18. Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Лекции. Часть общая: в 2 т. Т. 1. 2-е изд., пересмотр. и доп. СПб.: Гос. тип., 1902. 823 с.
19. Таганцев Н.С. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года. СПб.: 1892. 801 с.

20. Французский Гражданский кодекс 1804 года: с позднейшими изменениями до 1939 г.: пер. с фр. И.С. Перетерского. М., 1941. 471 с.

21. Шварц Х.И. Значение вины в обязательствах из причинения вреда. М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1939. 64 с.

22. Юрчак Е.В. Концепции вины в юридической науке // Актуальные проблемы российского права. 2015. № . С. 21—26.

23. Mousourakis G. *Fundamentals of Roman Private Law*. Springer, 2012. 366 p.

References

1. Brokgauz F.A., Efron I.A. *Entsiklopedicheski slovar' Brokgauza i Efrona: v 86 t. T. 6. [The encyclopaedical dictionary of Brokgauz and Efron: in 86 vol. Vol. 6]*. Saint Petersburg: Semenovskaya Tipolitografiya (I.A. Efrona), 1890-1907. 489 p.

2. Dozhdev D.V. *Rimskoe chastnoe pravo: uchebnik dlya vuzov [Roman private law]*. Moscow: INFRA-M Norma, 1997. 704 p.

3. Ioffe O.S. *Izbrannye Trudy: v 4 t. T. 1. Pravootnosheniya po sovetskomu grazhdanskomu pravu. Otvetstvennost' po sovetskomu grazhdanskomu pravu [Selected works: in 4 vol. Vol. 1. Legal relations in Soviet civil law. A responsibility in Soviet civil law]*. Saint Petersburg, 2003. 574 p.

4. Ioffe O.S. *Obyazatel'stvennoe parvo [The law of obligations]*. Moscow: Yuridicheskaya literatura, 1975. 880 p.

5. Kalinovskii K.B. *Raspredelenie bremeni dokazyvaniya v ugolovnom protsesse: vsegda li v pol'zu obvinyaemogo? [Allocation of the burden of proof in criminal procedure: is it always in favor of the accused?]*. *Izbrannye materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii "Ugolovnaya yustitsiya: svyaz' vremen"* (g. Sankt-Peterburg, 6—8 oktyabrya 2010 g.). M.: ZAO "Aktion-Media", 2012, pp. 40—48.

6. Krasavchikov O.A. *Sovetskoe grazhdanskoe parvo: v 2 t. T. 1. [Soviet civil law: in 2 vol. Vol. 1]* M.: Vysshaya shkola, 1985. 520 p.

7. Li Ch. *Sootnoshenie vinovnoi i bezvinovnoi otvetstvennosti v deliktnykh obyazatel'stvakh [Relationship between fault-based liability and no-fault liability in obligations in tort]*. *Vestnik VAS RF [Herald of the Supreme Economic Court of the Russian Federation]*, 2013, no. 4. pp. 53—63.

8. Novitskii I.B., Lunts L.A. *Obshchee uchenie ob obyazatel'stvakh [Common teachings of obligations]*. Moscow: Yur. lit., 1950. 412 p.

9. Novitskii I.B., Pereterskii I.S. *Rimskoe chastnoe parvo [Roman private law]*. Moscow: 2012. 560 p.

10. *Opredelenie Verkhovnogo Suda RF ot 27.09.2005 no. 19-V05-10 [Elektronnyi resurs] [Decision of the Supreme Court of the Russian Federation of 27.09.2005 no. 19-V05-10]*. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_59001 (Accessed 23.04.2020).

11. *Opredelenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 07.12.2010 no. 1621-O-O "Ob otkaze v prinyatii k rassmotreniyu zhaloby grazhdanina Dolzhenkova Ivana Vasil'evicha na narushenie ego konstitutsionnykh prav polozheniyami chasti 3 stat'i 1.5, primechaniya k stat'e 1.5, stat'i 2.6.1, chasti 3.1 stat'i 4.1 i chasti 3 stat'i 28.6 Kodeksa Rossiiskoi Federatsii ob administrativnykh pravonarusheniyakh"* [Elektronnyi resurs] [Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation on refusal to review an application of Ivan Vasil'evich Dolzhenkov concerning a violation of his constitutional rights by provisions para. 3 of Article 1.5, notes to Article 1.5, Article 2.6.1, para. 3.1 of Article 4.1 and para. 3 of Article 28.6 of the Code of administrative offences of the Russian Federation]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_109791/.

(Accessed 23.04.2020).

12. Pishina S.G. O metodologicheskom znachenii kategorii "Preemstvennost" v grazhdanskom prave [About the methodology of category of continuity in civil law]. *Yuridicheskaya tekhnika [Legal Technique]*, 2011, no. 5, pp. 378—382.
13. Pokrovskii I.A. Istoriya rimskogo prava [The history of Roman law], 3-e izd.: Petrograd: Pravo, 1917. 432 p.
14. Pridvorov N.A., Trofimov V.B. Prezumpstii v rimskom i sovremennom prave: istoriko-teoreticheskii aspekt [Presumptions in Roman and modern law: historical and theoretical aspect]. *Yuridicheskaya tekhnika [Legal Technique]*, 2010, no. 4, pp. 463—469.
15. Roksin K. Osnovaniya ugovovno-pravovoi otvetstvennosti i lichnost' prestupnika [The foundations of criminal liability and the identity of the perpetrator]. In O.L. Dubovik, Yu.S. Pivovarov (eds.) *Aktual'nye voprosy sovremennogo ugovovnogo prava, kriminologii i ugovovnogo protsessa: sb. nauch. tr. [Actual problems of the modern criminal law, criminology and criminal procedure]*. Moscow: INION, 2003, pp. 143—148.
16. Sadikov O.N. Grazhdanskoe parvo Rossii [Russian civil law]. Kurslektzii. Moscow: Yurist, 2001. 333 p.
17. Strel'nikova T.V. Spory o priznanii nezakonnymi trebovaniya ob uplate tamozhennykh platezhei i penei, pred'yavlenykh tamozhennymi organami v svyazi s nedostavkoi v tamozhnyu mestanaznacheniya tovarov, vvezennykh na territoriyu Rossiiskoi Federatsii [Disputes on the recognition of illegal claims for payment of customs payments and penalties filed by the customs authorities in connection with the non-delivery to the customs office of destination of goods imported into the territory of the Russian Federation]. *Arbitrazhnye spory [Economic disputes]*, 2005, no. 3, pp. 46—53.
18. Tagantsev N.S. Russkoe ugovovnoe parvo: v 2 t. T. 1. Lektsii. Chast' obshchaya [Russian criminal law: in 2 vol. Vol. 1. Lectures. General part], 2-e izd., peresmotr. i dop. Saint Petersburg: Gos. Publ., 1902. 823 p.
19. Tagantsev N.S. Ulozhenie o nakazaniyakh ugovovnykh i ispravitel'nykh 1885 goda [Code of criminal and corrective penalties of Russia, 1845]. Saint Petersburg, 1892. 801 p.
20. Frantsuzskii Grazhdanskii kodeks 1804 goda: s pozdneishimi izmeneniyami do 1939 g.: per. s fr. I.S. Pereterskogo [French Civil Code, 1804]. Moscow, 1941. 471 p.
21. Shvarts Kh. I. Znachenie viny v obyazatel'stvakh iz prichineniya vreda [Importance of the fault in tort liability]. Moscow: Yurid. izdvo NKYu SSSR, 1939. 64 p.
22. Yurchak E.V. Kontseptsii viny v yuridicheskoi nauke [The concept of fault in legal science]. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava [Actual problems of the Russian law]*, 2015, no. 7, pp. 21—26.
23. Mousourakis G. *Fundamentals of Roman Private Law*. Springer, 2012. 366 p.

Информация об авторе

Монастырский Юрий Эдуардович, доктор юридических наук, «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации» (МГИМО МИД России), Москва, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6999-8150>, e-mail: monastyrsky@mzs.ru

Монастырский Ю.Э.

Значение теории психической вины для установления
ответственности в гражданском праве
Психология и право. 2021. Том 11. № 3. С. 187—198.

Monastyrskiy Yu.E.

The Role of the Psychic Guilt Theory in
Establishing Liability in Civil Law
Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 3, pp. 187—198.

Information about the author

Yuri E. Monastyrskiy, Doctor of Law, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University), Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6999-8150>, e-mail: monastyrsky@mzs.ru

Получена 24.04.2020

Принята в печать 10.08.2021

Received 24.04.2020

Accepted 10.08.2021